

2. Rafael Núñez Ramos. Poética semiológica: «El Polifemo» de Góngora. - Oviedo: Universidad, Servicio de Publicaciones, D.L., 1980

3. Rafael Lapesa. «Los casos latinos: restos sintácticos y sustitutos en español». -Boletín de la Real Academia Española de la Lengua № 44, 1964 - pp. 57-105.

4. Cano Aguilar, R.. Perspectivas de la sintaxis historica española: el analisis de los textos. - Actas del Congreso de la Lengua Espanola, Sevilla, 1992. - pp. 577-587.

Glosario de términos lingüísticos usados en el diccionario [en línea] Real Academia Española [Електронний ресурс] - 2006. - Режим доступа: <http://buscon.rae.es/dpd/html/glosario.htm>

Sebastián Mariner Bigorra, Vitalidad de las estructuras lingüísticas latinas en las hispánicas actuales. - Discursos y ponencias del IV Congreso Español de Estudios Clásicos. - Sociedad Española de Estudios Clásicos, 1973. – pp. 105-136.

Góngora y Argote, Luis de. Soledades y otros poemas. - Diario El País, S.A. , Madrid, 2005. - 240 p.

5. Сабельфельд Н.М. Особенности употребления оборота «дательный самостоятельный» в текстах сибирских летописей XVII века - Актуальные проблемы исторического языкознания в вузе // Межвузовский сборник научно-методических статей. - Новосибирск, 2003. - С. 34-41.

6. Ernst Cassirer. The Philosophy of Symbolic Forms/ Volume 1: Language/ - Yale University Press, 1953. – 528 p.

7. Бонацкая И.В. Функционально-семантическая группа вторично-предикативных конструкций испанского языка: дисс. ... кандидата филол.наук: 46.0.64 / Бонацкая Ирина Вячеславовна. – К., 1985. – 208 с.

УДК 81'373

Коннова М.Н.

(Калининград, Россия)

ОБРАЗ ВРЕМЕНИ В СТИХОТВОРЕНИИ Б. Л. ПАСТЕРНАКА «ВОРОБЬЕВЫ ГОРЫ» И ЕГО АНГЛИЙСКОМ ПЕРЕВОДЕ

Розглядається образ часу у вірші Б.Пастернака «Воробйові гори» і його англійському перекладі, виконаному Ю.М. Кейденом.

Ключові слова: час, аксіологія, переклад, Б. Пастернак.

Рассматривается образ времени в стихотворении Б. Л. Пастернака «Воробьевы горы» и его английском переводе, выполненном Ю. М. Кейденом.

Ключевые слова: время, аксиология, перевод, Б. Пастернак.

The article focuses upon the 'time' concept in Boris Pasternak's "Sparrow Hills" and its English translation by Eugene M. Kayden.

Key words: time, axiology, translation, B. Pasternak.

© Коннова М.Н., 2012

Категория времени играет ведущую роль в структурировании авторской картины мира. В настоящей статье ставится цель рассмотреть языковые особенности выражения аксиологии времени в стихотворении Б. Л. Пастернака «Воробьевы горы» [1: 95] и его английском переводе Ю. М. Кейдена («Sparrow Hills») [2].

Стихотворения Б.Л. Пастернака, как отмечает А.К. Жолковский, «густо пронизаны темпоральностью» [3: 152]. Временные категории, единицы времени, времена года, части суток, именованные которых присутствуют во многих текстах поэта, овеществляются, становятся объектами образного переосмысления [Там же]. При исследовании аксиологии времени в ранней лирике Б. Л. Пастернака как поэта-философа особое внимание следует обратить на проявления *имплицитности* – категориального свойства когнитивной поэтики художественного текста. Сущность имплицитности «обуславливается особым рода подтекстом, возникающим за счет увеличения смыслового ореола знака, репрезентирующего художественный концепт» [4: 114]. При этом «объектом лингвистического анализа художественного дискурса, смысловое пространство которого представляют в разном соотношении единицы первичной и вторичной номинации, становится не только текст, но и вся та социокультурная информация, которая этим текстом опосредуется» [Там же: 115].

Стихотворение «Воробьевы горы», вошедшее в лирический сборник «Сестра моя жизнь», датировано 1917 годом. Оно продолжает раскрывать авторский опыт христианского мировосприятия, об истоках которого Б. Л. Пастернак в письме к Жаклин де Пруайяр писал: «Я был крещен своей няней в младенчестве <...> это ... оставалось всегда душевной полутайной, предметом редкого и исключительного вдохновения, а отнюдь не спокойной привычкой. В этом, я думаю, источник моего своеобразия. Сильнее всего в жизни христианский образ мысли владел мною в 1910-1912 годах, когда закладывались основы моего своеобразного взгляда на вещи, мир, жизнь» [5: 167].

Структурообразующие временные маркеры стихотворения «Воробьевы горы» (1917 год) – хронимы *лето* (первая строфа), *полдень* [мира] (третья строфа), *воскресенье* (четвертая строфа), иносказательно раскрывают отдельные грани ключевого темпорального образа «Троицын день».

В центральном метафорическом образе начальной строфы – «*лето бьет ключом*» (здесь и далее курсив в цитатах наш – М.К.) – синкретичное слово-символ *лето* становится метонимическим именем новой жизни, открывающейся в день Святой Троицы (ср. далевское *ключ* – «родник, ... источник, *отпирющий* недра земли» [6, Т. 2: 122]). Метафорическая образность этих строк переключается с песнопениями праздника Троицы, в которых благодать Святого Духа уподобляется живой телесной влаге: «*Источнице жизни веруемый, и струя естественныя благости, Душе Божий Святой...*» [7]. Эмфатические наречные словосочетания «не век, не сряду», оттеняя неслучайность происходящего («Ведь *не век, не сряду* лето бьет ключом»), как бы отделяют привычное течение времени от исключительного – полноты *лета*, открывающейся «сегодня» (ключевое темпоральное наречие третьей строфы).

Отсутствие хронима во второй строфе может быть обусловлено её антитетическим характером по сравнению с началом стихотворения: обновлению мира под воздействием благодати (первая строфа) противопоставляется здесь «*старость*» – символическое обозначение времени жизни души без Бога. Ценностная семантика передается здесь «от

обратного»: повтор отрицательных частиц *не* («*не* вскинет», «*не* веришь»), *ни* («*ни* один бурун»), *нет* («лица *нет*», «*нет* сердца», «Бога *нет*») подчеркивает безжизненность «обезбоженной природы» [ср. 8: 79]. Сугубо негативная оценка («страшны») и отрицательные коннотации, привносимые в семантическую структуру существительного *проицанья* его сочетаемостью (ср. «*проицанья* древних оракулов», но «*пророчестванья* библейских пророков», «*пророчества* о явлении Мессии» [6, Т. 3: 505]), свидетельствуют, что «*старость*» связывается Б. Л. Пастернаком с дехристианизированным миром. Это подчеркивается метафорическим образом второго стиха «*Рук к звездам не вскинет ни один бурун...*». Переключаясь со стихом псалма 140 – «Воздвятие руку мою – жертва вечерняя. Услыши мя, Господи...» [Пс. 140: 2; чин вечерни] по лексическо-семантическому составу и фонетическому строению, он приобретает вместе с тем противоположный – негативный – смысл, усиленный двойным отрицанием («... *не* вскинет *ни* один...»). *Бурун* («пенистая волна, разбивающаяся у скалистых каменистых мелей» [9: 61]) символизирует здесь те волны житейского моря, в стремительном водовороте которого невозможно оторваться от земного и устремиться к небесному («...*рук не вскинет...*»).

Картина бьющей *ключом* жизни – «лета Господня» [ср. 10] – раскрывается со всей полнотой в третьей строфе, где в едином метафорическом образе сливаются земное и небесное: «Это полдень мира. Где глаза твои? // Видишь, в высях мысли сбились в белый кипень // Дятлов, туч и шишек, жара и хвои». «*Кипень*» («кипящая ключом вода» [6, Т. 2: 122]), объединяющий семантические элементы воды и жара, имплицитно здесь мысль о «великолепии» бытия [ср. 3], о силе и полноте жизни. «Белизна», доходящая в семантике словосочетания «*белый кипень*» до предельной степени насыщенности – хрустально-белого сияния, становится символом светозонного присутствия Святого Духа в преображенной вселенной. «*Полдень мира*» указывает на предельную насыщенность, напряженность, «вершинность» бытия (*полдень* – «середина дня, высшее стоянье солнца» [6, Т. 3: 250]). В темпоральном контексте стихотворения метафора «*полдень мира*» получает сугубое аксиологическое прочтение: *полдень* символически отсылает к «полному свету Пресвятой Троицы» [11: 11].

В четвертой строфе троекратный повтор синкретичного пространственно-временного наречия *дальше* вводит образ безбрежной, неоглядной дали – устремленного в будущее и пребывающего в вечном настоящем преображенного мира: «Здесь пресекались рельсы городских трамваев. // *Дальше* служат сосны. *Дальше* им нельзя. // *Дальше* – *воскресенье*». В данном контексте *воскресенье* – не только «выходной день» и «возрождение к жизни» [8: 79], но и «внезапность» вечности [12: 407].

Образ «Воробьевых гор», синкретично вобравший в себя всё многообразие сотворенного мира, земного и небесного, становится в заключительной, пятой строфе символом вселенной, преображенной Троицкой благодатью: «Просевая полдень, *Троицын день*, гулянье, // Просит роща верить: *мир* всегда таков. // <...> Так на нас, на ситцы *пролит* с облаков». «*Троицын день*» предстает кульминацией временного пространства – светящейся точкой вечности [13: 161]. «Старости» человеческого неверия противостоит открываемая природой живая вера в Живого Бога: отрицательному «*не веришь*» второй строфы здесь противопоставляется положительное «*верить*», звучание которого усиливается и одновременно как бы смягчается перформативным глаголом «*просит*». Оно вводит бытийно-вневременное утверждение об истинности и неизменности мироздания

– «мир всегда таков». Олицетворения этой строфы («просит роцца», «задуман чащей», «внушен поляне»), отражающие благоговейное отношение поэта к природе как созданию Божию, свидетельствуют о своеобразии философского мировидения Б. Л. Пастернака. «Все поэтическое, что можно найти в пантеистическом мировоззрении, видимом везде в мире Божественную силу, присущее также и христианскому миропониманию. Но христианство свободно от пантеистического отождествления мира с Богом <...> Вездеприсутствие Бога в мире есть, согласно христианству, не частичное тождество Его с миром<...>, а любовное следование за тварными существами на всех путях их жизни» [14: 123; курсив автора – Н. О. Лосского].

Символический потенциал лексемы «роцца» (ср. *березовая роцца* [9: 674]), связывающий её с православной традицией празднования «Троицыного дня», имплицитно указывает на Святую Троицу как единый творческий Источник бытия вселенной [ср. 14: 40]. Пассивная форма глагола «пролит», перекликающаяся с однокоренным глаголом *излиться*, многократно повторяющегося в богослужебных текстах праздника Святой Троицы, индиксально указывает на творческую силу Святого Духа, обновляющую мир в «Троицын день», ср., в частности: «Ныне Утешительный Дух на всякую плоть *излияся*...» (из стихир Великой вечерни) [7].

Конкретизация, к которой прибегает в своем англоязычном переводе Ю. М. Кейден (Eugene M. Keyden), приводит к значительному ослаблению символического начала в стихотворении Б. Л. Пастернака. Уже в первом стихе начальной строфы дополнительное введение притяжательных местоимений (“*My kisses across your breast, like water from a jug!*”) сужает денотативное поле стихотворения, лишая его той вневременной всеобщности. Когнитивной матрицей начального стиха «Воробьевых гор» («Грудь под поцелуи, как под рукомойник!») мог стать для Б. Л. Пастернака как поэта-философа начальный стих ветхозаветной Песни Песней («Да лобжет мя от лобзаний уст своих: яко блага соща твоя паче вина») [Песн. песн. 1: 1]). Предельно насыщенная ценностными смыслами, Песнь Песней являет собой иносказание, прообразующее единство Христа и Церкви, рождающейся с сошествием Святого Духа на апостолов в «Троицын день» [ср. 15: 181].

Водный символизм начального стиха (рус. «как под *рукомойник*», англ. “*like water from a jug*”) становится в контексте стихотворения своеобразной отсылкой к словам книги пророка Иезекииля о воде и очищении, читаемой в канун праздника Святой Троицы («Тако глаголет Господь: ... и окроплю на вы *чистую воду*, и очиститесь от нечистот ваших, и от всех идол ваших, и очищу вы») [Иез. 46: 24, 25]). Характерно, что содержащаяся в русском слове *рукомойник* сема «омовения» в английском переводе опускается (“*like water from a jug*”).

Глубинный, имплицитный подтекст ускользает в английском переводе третьего стиха начальной строфы, где антонимическая передача выражения «не век, не сряду» как “*they’ll have an end, and soon...*” (букв. «они окончатся, и скоро...») и конкретизирующий перевод полисеманта «лето» узкозначной аналитической конструкцией “*days of summer heat*” (букв. «дни летней жары») приводят к обеднению смысловой структуры метафорического образа «лето бьет ключом».

Во второй строфе английского стихотворения широта образного ряда, вводимая абстрактным существительным *старость* («состоянье старого», «ветхость») [ср. 6, Т. 4: 316]), сужается до концепта возраста – *old age* (букв. «старый возраст»). Изменение

синтаксического рисунка строфы, вызванное стремлением к грамматическому единообразию (ср. пятикратный повтор отрицательной частицы *no* и параллелизм трех заключительных синтагм, отсутствующий в оригинале) приводит к размыванию аксиологического содержания текста. Так, в стихотворении Б. Л. Пастернака заключительным интонационно маркированным звеном трёхчастной градации строфы является синтагма «Бога нет в бору» – предел отрицания. В английском переводе подлежащее *god* («бог») интонационно и графически не выделено (“*no god in the woods*”) и грамматически тождественно словам *heart* (“*no heart within the pools*”) и *life* (“*no life in the meadowlands*”), что во многом лишает стихотворение его ценностной насыщенности. Не переданным остается и выраженное лаконичным «Говорят – *не веришь*» личное отношение поэта к «пророчищам» о «старости» – возможности бытия вне Бога.

Возникающий с новой силой в третьей строфе образ «*лема*» как новой, благодатно-кипучей жизни (ср. «*кипень*») в английском переводе трансформируется в картину неконтролируемого хаотичного беспорядка. Темпоральное слово-символ «*сегодня*», вводящее в семантическую ткань стихотворения широкий контекст настоящего (временного и вневременного), заменяется характеризующим словосочетанием “*this frenzied day*” (букв. «этот бешеный день», ср. *frenzy* – “uncontrolled and excited behaviour or emotion which is sometimes violent” [16: 563]). Как следствие, призыв к пробуждению от равнодушного безверья, выраженный двойным императивом «*Раскольишь же душу! Всю сегодня выпень*», оказывается интерпретированным в эгоцентрично-замкнутом ключе обладания жизнью – “*This frenzied day is yours to have!*” (букв. «Этот бешеный день – твой!»).

Лишается глубинного подтекста и следующий стих строфы, с его образом «полдня мира» (“*It is the world’s midday*”) и вопросом «Где глаза твои?» (“*Why don’t you use your eyes?*”). Отсылающий к ветхозаветному пророчеству Исаии (Ис. 6: 9-10), этот вопрос парафразирует евангельские слова о духовном ослеплении мира без Бога: «И сбывается над ними пророчество Исаии, которое говорит: слухом услышите – и не уразумеете, и глазами *смотреть* будете – и не увидите, ибо огрубело сердце людей сих и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы я исцелил их» (Мф. 13: 14-15). В стихотворении Б. Л. Пастернака контраст «видения-невидения» разрешается синтаксически синкретичным обращением-утверждением «*Видишь...*» («*Видишь*, в высях мысли сбились ...»), которое является аллюзией на следующий стих Евангелия от Матфея: «Ваши же блаженны очи, что *видят*» (Мф. 13: 16). В английском варианте стихотворения глагол *видеть* передается неравнозначным *to look* («смотреть, глядеть»), что приводит к разрушению смысловых связей с евангельским текстом, в традиционном англоязычном переводе которого используется многозначный глагол *to see* («видеть»), ср.: “*But blessed are your eyes, for they see*” (St. Matthew 13: 16).

Глубоко символические лексемы «водной» семантики при переводе третьей строфы опускаются (ср. *выпень*), заменяются близкочуждыми словами со значительно меньшим образным потенциалом (ср. *раскольишь* – *rouse* [«будить, пробуждаться»]), либо передаются описательно (ср. *кипень* – *seething bubbles* [букв. «бурлящие/ кипящие пузырьки»]). В результате утрачивается ключевой метафорический образ «мыслей» «сбившихся» «*в белый кипень*», подчеркивающий гармоничную осмысленность и совершенство мироздания, устремленного к своему небесному Первоисточнику («*в высях*»). Опускание при

переводе аксиологически-маркированного определения *белый* («белый кипень»), оттеняющего непорочность и чистоту природы, и конкретизирующий перевод словосочетания «в *высях*» – “upon high hills” (букв. «на высоких холмах/ на возвышенностях») приводят к затенению ценностно-значимых граней цельного образа преображенной вселенной.

В четвертой строфе синкретичный образ безбрежного времени-пространства, вводимый троекратным повтором наречия «дальше», интерпретируется в сугубо пространственном, логическом измерении (“Here tracks of city trolleys stop, and further...”). Обыденное, приземленное звучание строфы усиливается нейтральным глаголом *satisfy* (“... further/ The pines alone must satisfy” – букв. «Дальше обслуживают только сосны»), который не передает имплицитруемый глаголом *служить* семантический оттенок «священности» (*служить* – «совершать церковную службу» [6, Т. 4: 224], ср. *богослужение*, *священнослужитель*). Слово-символ *воскресенье* («Дальше – воскресенье») оказывается прочитанным только в темпоральном, поверхностно-календарном плане – как хрономим “Sunday” (“It is always Sunday there”).

В пятой строфе стихотворения английским аналогом ключевого хрономима «Троицын день» становится имя «Whitsun» (“And strewing sunrays, Whitsun, and rambling walks”). Являющееся сокращенной формой словосочетания *White Sunday* (букв. «белое воскресенье»), оно, предположительно, метонимически именуется праздником по белому цвету одежд, в которые облекались в этот день принимающие крещение [17]. Глубоко символичное, сочетающее семантические оттенки солнечного света и чистоты, имя «Whitsun» не содержит в своей смысловой структуре указания на сущность праздника, ярко выразившуюся в русском «Троицын день».

В английском тексте изменяется и сам образ этого дня. Описательный перевод существительного [народное] «гулянье» как «rambling walks» (букв. прогулки [без определенной цели]) и обобщающая передача ассоциативно-насыщенной лексемы «проца» гиперонимом «woods» (букв. «лес») приводит к размыванию характерного для русского языкового сознания образа праздника Св. Троицы. Трансформация безличной обстоятельственной конструкции «пролит с облаков» в субъектную «split by clouds» (букв. «пролит облаками») придает стихотворению несвойственную мирозерцанию Б. Л. Пастернака пантеистичность, искажая смысл всего стихотворения.

Проведенное исследование показало, что имплицитно выраженное в стихотворении Б. Л. Пастернака «Воробьевы горы» аксиологическое содержание образа времени праздника Троицы при переводе на английский язык ускользает.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пастернак Б. Л. Избранное: в 2 т. / Б.Л. Пастернак. СПб.: «Кристалл», 1998. Т. 2– 576с.
2. Friends & Partners: Linking US—Russia Across the Internet [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://friends-partners.org/friends/culture/literature/20century/pasternak11.html>
3. Жолковский А. К. Поэтика Пастернака./ А. К. Жолковский. М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 608 с.

4. Алефиренко Н.Ф. Событийная синергетика имплицитности текста в лингвоэтическом освещении / Н. Ф. Алефиренко // Вестник ТГГПУ, 2011. № 1 (23). – С. 114-119
5. Пастернак Б. Письма к Жаклин де Пруайяр / Б. Пастернак// Новый мир. 1992. №1. – С. 127-189
6. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т./ В.Даль М.: Государственное издательство национальных и иностранных словарей, 1956.
7. Триодь цветная. Пятидесятница [Электронный ресурс]. URL: <http://orthlib.ru>.
8. Гаспаров М.Л., Подгаецкая И.Ю. «Сестра моя – жизнь» Бориса Пастернака. Сверка понимания./ М.Л. Гаспаров, И.Ю. Подгаецкая. М., 2008. – 192 с.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка./ С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М.: «АЗЪ», 1995. – 928с.
10. Шмелев И. С. Лето Господне. М.: «Светлый берег», 2007. – 511с.
11. Митрополит Вениамин (Федченков). Царство Святой Троицы/ Митрополит Вениамин Федченков. М.: «Правило веры», 2007. – 177с.
12. Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие/ В.Н. Лосский. Киев: Издательство им. свт. Льва, папы Римского, 2004. – 504с.
13. Мечев Сергей, священномученик. Тайны богослужения. Духовные беседы. Письма из ссылки/ Священномученик Сергей Мечев. М.: Храм святителя Николая в Кленниках, 2001. – 383 с.
14. Лосский Н. О. Ценность и Бог. Бог и Царство Божие как основа ценностей/ Н. О. Лосский. Харьков: «Фолио»; М.: «АСТ», 2000. – 864 с.
15. Дьяченко Григорий, свящ. Полный церковно-славянский словарь / Григорий Дьяченко, свящ. М.: Издательство «Отчий дом», 2007. – 1120с
16. Cambridge International Dictionary of English. Cambridge, 1998. 1777 p.
17. Whitsun [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://en.wikipedia.org/wiki/Whitsun>
18. Пастернак Е. Б. Борис Пастернак. Материалы к биографии [Электронный ресурс]. URL: <http://pasternak.niv.ru/pasternak/bio/pasternak-e-b/biografiya.htm>.